

Экран и сцена -
1998 - май (~9) -
с 16.

— С чего началось ваше увлечение театром?

— Театр Юных Москвичей — моя первая любовь. Пришел я туда в тринадцать лет. Играл много и очень разнообразные роли. Одной из любимых был Киса Воробьянинов. А водевиль "Юна, дурна, глупа и хороша" делал потом с ребятами на курсе. Очень добрый смешной спектакль: с одной стороны, люди нелепы, но с другой — они открыты и честны. Постановка была очень музыкальна. Я и в детстве пел в хоре, и сейчас не бросаю заниматься вокалом. Надеюсь, что сыграю в каком-нибудь музыкальном спектакле (кроме "Бумбараша"), где у меня будет возможность спеть. Но слушаю я в основном классическую музыку и гитарную, а из наших групп — "Наутилус".

— Театр для вас — образ жизни или хобби?

— Это, скорее, образ мысли. Я вынужден заниматься еще чем-то, кроме театра, просто, чтобы жить. Но основные помыслы связаны с театром, с искусством. Есть артисты, которые не могут приспособиться ко времени: даже если они играют совсем немного, то все равно продолжают мыслить театральными категориями, все их разговоры сводятся к театру. Я к такому типу актеров не отношусь: мои интересы гораздо более обширны.

— Все ваши персонажи окутаны флером некоей романтичности, байронизма. С чем это связано — вы сами романтик?

— Я не верю в Бога, как в некую небесную силу, разделяя позицию Куприна о богочеловеке: каждый человек есть Бог; не делай другому того, чего не хотел бы себе. Но вместе с тем мой любимый роман — "Мастер и Маргарита". Как во мне это совмещается, я не знаю. Иногда мне говорят: "Что ж ты такой прагматик?!" Но в то же время я часто бываю сентиментален и

наивен. Поэтому, наверное, и герои такие получаются: я играю нагловатых приземленных типов, но, с другой стороны, это люди доверчивые и романтические, совершающие свои поступки от души.

— Вы работали с разными режиссерами. Приходится подстраиваться?

— Да, пожалуй. Иногда бывает сложно. Володя Машков режиссер жесткий, он знает, что должен делать актер вплоть до поворота головы в определенный момент. Адольф Шапиро, режиссер скрупулезный, с ним мы долго и тонко разбирали психологию героев, такой метод работы мне нравится. Возможно, со временем я хотел бы что-нибудь поставить. У меня и сейчас есть задумки, но нужно приобрести более независимое положение, набраться опыта и актерского, и жизненного; сюда же я включаю и финансовую сторону дела. А Олег Павлович всегда идет от артиста, то есть ждет инициативы от него самого. Я не очень много с ним работал, как с педагогом, в основном с Михаилом Андреевичем Лобановым и Алексеем Александровичем

Селиверстовым. Но я был у него на репетициях. Он разбирает прежде всего

то, что движет героем, а уж какими средствами студент этого достигнет — это его дело.

— Какие роли вы играли в бытность своим студентом Школы-студии МХАТ?

— Одна из моих любимых работ в Школе-студии МХАТ — Свидригайлов. Он не просто отрицательный герой, он разный — и добрый, и плохой, и страстный, и подленький, и влюбленный. Как он любил Дуно! И я думаю, что если бы она ответила ему взаимностью, он бы изменился. В конце четвертого курса я начал репетировать Трилецкого в "Механическом пианино" по сценарию Адабашьяна и Михалкова. Эта роль мне очень нравилась. К сожалению, спектакль был снят, но я надеюсь, его возобновят. Еще у нас был спектакль, который делал Алексей Селиверстов, "Дуэль", один из лучших у нас на курсе. Я играл главного полицеймейстера города, тип не из приятных, но он добивался очень последовательно своих целей. Когда у героя есть цель, идущая лейтмотивом через образ, через характер, то его всегда если не прощешь, то понятнее играть.

— У Островского в пьесе "На всякого мудреца довольно простоты" Курчаев, действительно, "человек без пороков и достоинств". Но ваш Курчаев в премьере "Табакерки" не такой!

— Я его таким не делаю. У него есть свои достоинства! Во-первых, он трезво оценивает себя, не пытаюсь быть тем, кем он

быть не может. Все поступки, которые Курчаев совершает, он совершает от чистого сердца, не скрывая некрасивых и не делая геройств из хороших. Не крутит пять игр одновременно на стороне, как это делает Глумов. И если Глумов поставил перед собой цель, ограничивая себя рамками этой цели, то Курчаев живет свободно, руководствуясь своими внутренними ощущениями.

— Вы импровизатор?

— Зачастую импровизация ломает смысловой рисунок роли и спектакля, это неправильно, а зритель воспринимает любую шутку, любую импровизацию. Но на поводу у зрителя идти нельзя и нельзя бросать на произвол судьбы смысл роли и партнера. Артист, играющий против смысла, глубоко неправ! Нужно донести до зрителя идею так, чтобы заставить его думать над тем, что он видит, иначе театр превращается в развлекательное заведение вроде цирка. Табаков, поставив "Мудреца", попытался через смех передать смысл пьесы, чтобы каждый узнал сегодняшнее время и себя в нем, ибо пьеса, написанная в конце девятнадцатого века, современна и в наши дни.

— Вы предпочитаете на сцене играть жизнь, но не играть в жизнь?

— Да, конечно. Есть такие спектакли, где можно допустить иное. Допустим, в том же "Бумбараше". Это ведь не мюзикл и не драматическая пьеса, а лубок о периоде гражданской войны. Но в таких спектаклях, как "Псих", "Мудрец" и "Последние", этого делать нельзя! У каждого героя, которого я играю, есть своя, внутренняя правда, и конкретная цель каждого артиста, по моему мнению, — прийти к ней, ответив для себя на множество вопросов. Только при столкновении правд героев на сцене возникает событие, отображающее живую жизнь. Это и является целью настоящего русского драматического театра.

Дмитрий БРОДЕЦКИЙ:
"Правда моего
героя — моя правда!"

БНБ